

А.В. Васильев

ПОНЯТИЕ «ТАЙГА» В СИБИРСКОМ ДИСКУРСЕ XIX в. И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Исследуется история понятия «тайга» в сибирском дискурсе в последней трети XIX в. Выявлены ключевые образы и мифологемы тайги, как они представлены в публицистике, очерках путешественников, лесоводческой литературе и беллетристике эпохи. Изучены ключевые трансформации в истории понятия, связанные с восприятием тайги как антитезы русского леса, определяющей региональные особенности Сибири. Сделан вывод о появлении к концу XIX в. дискурса покорения природы, который формируется вокруг вопроса о колонизационных возможностях таежных пространств.

Ключевые слова: тайга; лес; образы Сибири; колонизация; история понятий; социокультурный ландшафт; восприятие пространства

Введение. Тайга является важнейшей составляющей природного ландшафта Сибири и ключевым ее образом: частью социокультурного ландшафта. В предыдущем исследовании [1] было показано, что история данного понятия может быть понята лишь в связи с возникновением в российском общественном сознании сибирского дискурса как такового. Понятие возникает как попытка показать специфику сибирской природы, функционируя первоначально в логике раннего, «экзотического» описания Сибири, ставящего в центр внимания местные особенности. Тайга для наблюдателей первой трети XIX в. – это одновременно способ показать и особенности языка коренных народов и русских сибиряков, использующих для обозначения леса неизвестное в европейской части России слово, и особенности самой сибирской природы, которая осмысливается словно другая природа «другой России». Уже к середине XIX в. тайга становится базовым понятием о Сибири, усиливающим понимание территории в ее основных антиномиях «русского Эльдорадо» и «гиблого места». Происходит метаморфоза понятия, которое, соединяя в себе природное и социальное, может означать сугубо сибирский лес и наделять пространство некоторыми скрытыми в себе характеристиками: с одной стороны, «дикостью» и «пустынностью», а с другой – «первозданностью» и «изобилием».

В данной статье мы покажем, как менялось восприятие сибирского леса, тайги в последней трети XIX в. В этот период по нарастающей в общественной мысли России усиливается актуальность «сибирской темы». Происходит это за счет начала массового переселения в регион и ускорения его хозяйственного развития, что вело к росту регионального самосознания, дальнейшему развитию сибирской темы в художественной литературе, активизации деятельности различных общественных и политических сил и т.д. Нас будут интересовать вопросы о том, какое место понятие «тайга» займет в сибирском дискурсе в связи с ростом колонизации и общественного внимания к Сибири в конце XIX в.; что история понятия «тайга» может рассказать о восприятии сибирской природы; в чем заключается особенность восприятия российского и сибирского леса; как восприятие природы может

объяснить особенности колонизации Сибири; наконец, какое место тайга занимает в процессах поиска идентичности в российском обществе и как конкурирующие дискурсы влияли на восприятие тайги.

Результаты исследования. *Словарные определения.* В 1860–1890-е гг. понятие тайги развивается в русле тех дискурсов, которые сложились ранее. Одной из особенностей более раннего периода была терминологическая неустойчивость понятий, которыми обозначаются сибирские леса, что фиксировалось в словарях середины XIX в. Словари и специальные географические издания второй половины XIX в. рисуют более определенную картину, хотя разночтения сохраняются. Так, в словаре В.И. Даля (1866) тайга – одно из сибирских местных слов, наряду с архангельскими «тай» и «тайболой», которыми называют «обширные, сплошные леса, непроходимую, исконную глушь, где нет никакого жилья на огромном просторе» [2. С. 396]. То, что в восточной Сибири называют тайгой, в Западной Сибири – урман: «дикие, необитаемые леса, на огромном просторе» [2. С. 465]. В «Сибирской справочной книжке» (1868): «Тайга, название в Сибири густых, непроходимых лесов, в которых часто скрываются золотые прииски» [3. С. 93]. Во «Всеобщей географии» А.Г. Ободовского (1874, последнее издание) тайга – «непрерывный хвойный лес, тянется по всей Сибири от 65° до 55° с. ш.» [4. С. 164]. В «Географии Российской империи» Н.И. Зуева (1887) тайга – понятие, которое «применяется ко всем пространствам, покрытым лесом, но его более употребляют к востоку от Алтая для обозначения гористых местностей» [5. С. 203]. В «Географическо-статистическом словаре Российской империи» (1867) П.П. Семенова-Тян-Шанского высказывается предположение, что название тайга (обозначающее «гористый дремучий лес»), «столь характеристическое для лесистых и гористых местностей Юж. Сибири», происходит из Минусинского округа [6. С. 251]. Более определенным образом противоречие, которое фиксируется в определениях тайги между обозначением леса как такового и конкретно горного леса, в 1884 г. попытался разрешить на лингвистическом материале В.В. Радлов: «Русские заимствовали слово “тайга” у алтайцев, но понимают они под этим словом только

черные горы (“чернь”, йыш) и поэтому говорят о томской, кузнецкой или енисейской тайге» [7. С. 43]. Аналогично этот вывод также уже мог быть сделан на основе «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В.И. Вербицкого (1886): «тайга (к.), тайка (т. н-б.) высокая гора, снеговые белки» [8. С. 327]. Тем не менее вплоть до XX в. вопрос о происхождении слова оставался открытым, о чем можно судить по «Опыту лесоводственного терминологического словаря» П.Н. Верехи (1898): «Тайга – Тунгусское слово, сделавшееся общеупотребительным в русской речи; тоже, что согра; чернолесье, а также еловый лес по низкому месту» [9. С. 517].

«Тайга» в художественной литературе. Контексты использования понятия между тем были гораздо шире и не ограничивались лишь описаниями лесных массивов Сибири. На протяжении всего XIX в. понятие «тайга» использовалось для характеристики лесных и слабозаселенных пространств в целом и для обозначения специфического общественного устройства быта таежных золотопромышленников. С точки зрения истории понятия эти смыслы развиваются постепенно и с определенного момента параллельно, дополняя друг друга. Так, многочисленные значения, которые может принимать слово «тайга», фиксирует В.М. Михеев в примечаниях к своим «Песням о Сибири» (1884), показывая также разные контексты употребления слова и своего рода его краткую историю в XIX в.: «Первоначально тайга значит дикий, непроходимый лес; потом это название переносится вообще на всякую дикую, преимущественно лесную, местность; затем в частности именно на золотопромышленную местность, которая обыкновенно почти всегда и бывает гористой, лесной, дикой; наконец тайгой называют людей, долго пробывших на золотых приисках или на поисках золота – прибавляя обыкновенно в этой случае “старая” тайга: Я, братец мой, – старая тайга!» [10. С. 192].

Такая смысловая многослойность сделала понятие тайги важной составляющей сибирского текста русской художественной литературы. От незавершенного романа Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане» (1872) до повести В.Я. Шишкова «Тайга» (1916) сибирский лес буквально центрирует повествование об особенностях сибирской жизни. Развитие образа тайги в художественной литературе, разумеется, зависело от общего идейного и художественного замысла авторов. Однако некоторые общие смыслы и образы, которые позволяют конструировать особый хронотоп тайги, выделить все же можно. В рамках этого хронотопа тайга выступает в качестве пограничного пространства между обычным и аномальным миром, как некая вседавлеющая таинственная сила, с которой человек органически связан, но находится в дисгармонии. В драме «Тайга» (1893) уже упомянутого В.М. Михеева тайга – это образ замкнутого на себя пространства, из которого невозможно вырваться: «Разве мы с вами выберемся из этого заколдованного круга тайги дикой?», «Обступила меня тайга, непроходимая, черная! Отовсюду сгрудилась – обступила» [11. С. 31, 62]. Аналогично в сибирских текстах В.Г. Короленко «тайга-матушка» сосуществует с «ди-

кой тайгой»: «безмолвная и полная тайны», она манит от «серых будней» «в безвестную, заманчивую и обманчивую даль», но оборачивается враждебностью, не давая «ни просвета, ни надежды» [12. С. 12, 16]. В этом смысле образ сибирского леса, тайги, в многочисленных сочинениях последней трети XIX в. становится центральным для осознания изолированного социума, закрытого от и для остального мира самой природой: мира сибирских рабочих, ссыльных, беглых заключенных, переселенцев и старожильческих крестьян, представителей коренных народов [13–16 и др.].

Образ тайги в сочинениях путешественников. Другим важным источником, в котором происходило осмысление и конструирование образов Сибири, «ментальная и интеллектуальная “колонизация” новых территорий», являются путешествия, публиковавшиеся в российских толстых журналах или отдельными изданиями [17]. Как показывает современная культурная география, место получает свою характеристику в ходе сложного процесса дифференциации, когда представления о нем строятся на контрасте с неким «там», отличия от которого имеют символическое и идеологическое значение (см.: [18. С. 121]). И описания сибирского леса, сделанные путешественниками с их особой оптикой, нацеленной на то, чтобы донести прежде всего до несибирского читателя региональные сибирские особенности, особо ценны. При этом не только для понимания того, как происходило конструирование образа тайги, но и русского леса в целом.

Сознание путешественника второй половины XIX в. находится под влиянием сложившихся представлений о сибирском лесу и Сибири в целом еще до непосредственного знакомства с ними; так, тайга для С.Я. Елпатьевского «уже одним названием сулила нечто новое и оригинальное» [19. С. 17]. Ключевые образы тайги уже сформированы в литературе предыдущего периода: они связаны с ее безграничными размерами, неизведанностью и таинственностью. Для стороннего наблюдателя образ Сибири неразрывен с неисчерпаемыми лесными богатствами, «вековыми лесами, которых в продолжение целых столетий хватит на удовлетворение всех потребностей человека» [20. С. 581]. С размерами тайги коррелирует ее «непроходимость» и, несмотря на попытки поселений в ней, безлюдность и всеилие: «тайга все-таки осталась тайгой, и человеку не справиться с ней во веки веков» [20. С. 630]. В это же время также продолжает развитие тема путешествий на таежные золотоносные прииски, которая, в зависимости от замысла и позиции автора, может существовать в разных контекстах. С одной стороны, тайга продолжает осмысляться в качестве «обетованной земли», притягивающей «как магнит» «легионы рабочих», и где «счастье и случай дарят своим любимцам громадные богатства» [21. С. 26–27]. С другой стороны, развивается традиция социальной критики положения рабочих на приисках и описания устройства приисков [22, 23 и др.]. В рамках темы «тайга и золото» в лексикон эпохи входит понятие «таежники» как обозначение прежде всего золотопромышленных рабочих, а также всех,

кто связан с таежной жизнью: «люди проводящие большую часть своей жизни в тайге, привыкшие ко всем трудностям этой жизни, втянувшиеся в нее не из-за одной корысти, а из-за особенностей, которые она представляет» [24. С. 737].

Тайга, как одна из ключевых мифологем Сибири, в наиболее завершенном виде представлена, пожалуй, в очерках С.Я. Елпатьевского. Образ тайги у него показан в трех взаимосвязанных характеристиках, объединяя мифологему тайны («святости») места, власти природы и своеобразного, особого, развития сибиряка [25. С.135]. Тайга для С.Я. Елпатьевского является основным, сущностным, сибирским пространством, наделенным особой силой и властью. Она олицетворяет силу природы, встречает человека «страшным, угрожающим ревом», словно «растревоженный зверь» [19. С. 22]. Подобно «суровому и мрачному храму», она скрывает и «хранит свою тайну», и только иногда расступается, чтобы дать место «какой-нибудь сотне, двум человеческих жизней» [19. С. 20]. И, как в храме, душа человека, замороженная молитвой и тишиной тайги, «возносится к небу» [19. С. 20].

Разумеется, конструирование мифологемы тайги в качестве ключевого компонента сибирского мифа вело к попыткам ее переосмысления и демифологизации. Так, в путевых записках М.Г. Гребенщикова (1887) знакомство с тайгой оборачивается не признанием резкого контраста с привычным и подтверждением неких стереотипных представлений, а скорее наоборот: «так вот она тайга, которую я представлял себе такой страшной, неприветливой, да ведь она смотрит такой веселой, так и тянет изведать, что таится в этой густой зелени, которую мы привыкли встречать садах и парках» [26. С. 140–141]. Еще более сильно выражено это у А.П. Чехова: приступая в своем путевом очерке «Из Сибири» (1890) к описанию тайги, о которой «много говорили и писали», он приходит к выводу о том, что «от нее ждешь не того, что она может дать» [27. С. 35]. Здесь также тайга скорее похожа на уже знакомый ландшафт: «Нет ни деревьев в пять охватов, ни верхушек, при взгляде на которые кружится голова; деревья несколько не крупнее тех, которые растут в московских Сокольниках» [27. С. 36]. А.П. Чехов, как и многие путешественники до него, связывает представление о тайге с ее громадностью, для которой, действительно, «обычная человеческая мерка в тайге не годится». Но характерно, что заканчивается очерк уравниванием тайги и города в аспекте человеческого таланта, который «и в тайге так же знает себе цену и так же деспотичен, как и у нас в больших городах» [27. С. 38; 28. С. 169].

Тем не менее попытки осмыслить тайгу как нечто противоположное знакомому лесу являются одной из наиболее характерных черт путешествий и очерков, посвященных тайге. Сибирская тайга это не обычный русский лес: «в России не знают что такое тайга, так как тайги у нас нету. Есть обширные дремучие леса, но собственно тайги нет» [20. С. 628]. Обычный лес имеет начало и конец, «за ним идут луга или поля, другие рощи или деревни», тайга же – это «безграничное и неизмеримое, непроходимое пространство, обросшее деревьями» [20. С. 628]. В этом смысле тай-

га – это вообще не лес, поскольку даже «тундра та же тайга, только вместо деревьев, которые не растут от холода, здесь стелются низкорослые кустарники и растут мхи ягеля» [20. С. 629]. Аналогичную мысль можно встретить в описании путешествия наследника престола Николая Александровича: «В сравнении с европейскими лесами тайга носит печальный и угрюмый, безжизненный характер» [29. С. 45]. Так же С.Я. Елпатьевский, сравнивающий тайгу с московскими и владимирскими лесами, заключает, что последние «будто только что сошли с картины модного живописца», являют собой «нечто определенное, законченное, окруженное полями и деревьями, охваченное жильем, покоренное человеком» [19. С. 18–19]. И в сравнении с этим «тайга – не лес»: лес в центральной России встроен в существующий ландшафт, составляет лишь его часть и кажется покоренным, в то время как тайга – это и есть сибирский ландшафт, куда входит все остальное, включая собственно и сибирский лес, и поселения. Задавая основу сибирского ландшафта, для С.Я. Елпатьевского тайга объясняет и специфику сибирского характера, поскольку «здесь не человек царствует над природою, а природа над ним, и тайга как будто только позволяет на своих полянах раскинуться городам, а по оврагам вытянуться селам и деревням». Тайга накладывает свою «неизгладимую печать» на переселенцев, так что уже их дети и внуки потеряют «всякую связь с Россией, позабудут склад ее жизни, ее верования, песни, легенды... они превратятся в сибиряков» [19. С. 25].

Тайга и русский лес. Еще более стройную систему взглядов, объединяющую разные лесные ландшафты и национальные особенности, построил С.В. Максимов. Он был участником многочисленных литературно-этнографических экспедиций по России, в том числе известной экспедиции в Сибирь, организованной в 1855 г. морским ведомством по инициативе великого князя Константина Николаевича. По результатам этих путешествий был написан ряд работ, в том числе известное обозрение сибирских тюрем и быта ссыльных. Но нас больше интересует работа С.В. Максимова в качестве составителя книжек для народа, которые он готовил для Комиссии по устройству народных чтений, в том числе и на основе впечатлений от собственных путешествий. В одной из них, под названием «Дремучие леса или рассказ о народах, населяющих русские леса» (1866), приводится обзор лесных областей России и быта населяющих их народов. Для автора леса – «украшение земли», составляющее богатство России и укрепляющее русский народ. В то время как русский лес уступает место, с одной стороны, пашне, с другой, уменьшаясь в размерах, получает более пристальное внимание правительства, которое заводит в них «правильное хозяйство», сибирская тайга сохраняет «свой старый вид и свои вековые добродетели» [30. С. 7]. Как «вырождаются людские роды и народы», так и старые, хвойные леса должны смениться новыми, лиственными, превратив местные народы из диких кочевников-звероловов в оседлых земледельцев. Завершает эту лесную философию рассказ о лесах Западной России, которые в отличие от богатых сибирских лесов и ле-

сов центральной России, «воспитавших здоровое русское племя», являются «нездоровыми», как и само местное население [30. С. 74].

С.В. Максимов не единственный, кто в это время увязывает лесной вопрос с поиском национальной идентичности. Следует сказать, что начиная с 1840-х гг. лесной вопрос в целом получает все большее значение в общественных дискуссиях. Это было вызвано становящимися все более очевидными масштабами уничтожения лесов в центральной России, эрозией почв, разрушением русел рек и изменением климата: «лесная проблема завладела общественным сознанием. Не было почти ни одной газеты или журнала, где бы не проводились бесчисленные факты катастрофического состояния лесов» [31. С. 43].

В этих дискуссиях, вовлекающих крупных писателей, мыслителей и ученых, рождалось особая этика отношения к природе, которая объединяла «русскую идентичность, здоровое состояние лесов и устойчивое экономическое развитие» [32. Р. 2]. В недавно переведенной работе Д.Т. Кастлоу на примере многочисленных источников (от Тургенева до Нестерова) рассматривается, как русский лесной ландшафт в XIX в. становится «стартовой точкой русских поисков идентичности на многих уровнях и с различными целями: политическими, духовными и природоохранными»: в «святых русских лесах» и писатели, и художники обнаруживают сущность России [18. С. 20]. Даже научное лесоводство не оставалось в стороне от этих тенденций. Так, по мнению С. Брейна, с конца XIX в. русское лесоводство все больше начинает занимать критическую позицию по отношению к господствующей немецкой лесоведческой школе, приходя к мысли о том, что «русские леса существенно отличаются от европейских, и что русский народ обладает более тесной культурной, исторической и духовной связью с лесом, чем признавала преобладающая система лесного хозяйства» [32. Р. 12].

Таежный дискурс формировал свое пространство ответов на вопрос о связи ландшафта и национального и регионального самосознания, и был, таким образом, встроен в дискуссию о русском лесе. Для путешественников и писателей второй половины XIX в. признание отличий тайги от «владимирских и русских лесов» объясняло, почему и как сибиряк не похож на русского. Но и обратное было верно: тайга выступала пространством для понимания специфики чисто русского лесного ландшафта и ситуации, в которой оказался русский лес. В одном из главных лесоведческих трудов конца XIX в. – в «Русском лесе» Ф.К. Арнольда (1893) – важное место занимает вопрос о роли леса в национальном самосознании, отдельный параграф отведен проблеме влияния леса «на развитие в человеке чувств возвышенных и патриотизма». Понятие тайги при этом исключено из содержания книги, но имплицитно оно играет важную роль для понимания того, что такое русский лес [33. С. 3–6]. Для Ф.К. Арнольда «русский лес», которому «русская душа должна отдать полную справедливость и назвать его именно своим родным» – это лес центральной России. Другая группа лесов – это «обширные лесные пространства Севера и Севера-востока Европейской

России, Сибири и Кавказских гор». Различие между этими группами лесов лежит «независимо в некоторой степени от формы их и состава» и заключается в степени освоенности, пользы для родного края, и уровне угрозы. Первый, «прирученный лес, разбросанный по лицу России попеременно с деревнями, поселками и незатейливыми городами, постепенно втянулся в чисто русские интересы и нужды и, не отказывая в услугах прочим нациям, посвятил себя служению главным образом родному краю». Второй, «олицетворение сказочного великана» – «царство почти дикого леса, мало знакомого с силою и мощью культурного человека, леса, привыкшего скорее властвовать в занимаемой им области, чем подчиняться условиям окружающего мира». В этих словах нетрудно увидеть основные составляющие мифологемы сибирской тайги, как она складывалась на протяжении XIX в., и здесь она представлена как антитеза собственно русского леса.

Тайга и покорение природы. Сказанное выше, разумеется, не отменяет того, что состояние и проблемы сибирской тайги, вопросы защиты сибирских лесов не поднимались в публицистике и специальных сочинениях второй половины XIX в. Скорее наоборот по нарастающей эти вопросы также начинают волновать российское общество, приводя к развитию лесоохранной политики в Сибири [34]. Только ключевым отличием и триггером здесь выступала скорее государственная политика по исследованию лесных массивов Сибири и изучению возможности использования их для переселенческого дела. Начиная со второй половины 1880-х гг. началась планомерная работа по исследованию почвы и климатических условий отдельных территорий, по изучению землепользования и хозяйственного быта крестьян Сибири. В 1896 г. при Министерстве внутренних дел было создано Переселенческое управление для непосредственного руководства переселением. К этому времени стало ясно, что запас пригодных для заселения земель в лесостепной зоне истощился, что заставило правительство поднять вопрос о заселении таежных и урманных пространств. С 1896 г. таежные пространства Западной Сибири подвергаются всестороннему обследованию, результатом чего стало решение допускать на всем пространстве тайги, за исключением заказных лесов, свободное водворение переселенцев.

В рамках этих и последующих за ними исследований были подвергнуты сомнению по крайней мере две мифологемы, связанные с тайгой. Первая касалась представления о ее безграничности и неисчерпаемости, вторая – представления о невозможности освоения и заселения таежных пространств. Уже в отчете лесного департамента за 1897 г. признавалось, что, хотя «по издавна сложившемуся мнению, Сибирь принадлежит к числу стран, составляющим бесконечную тайгу и урманы... теперь лесов оказывается очень и очень мало» [35. С. 3]. Освоение тайги признавалось возможным вследствие неоднородности лесных массивов, и приобрело «громадное общегосударственное значение».

Любопытным документом, фиксирующим изменившиеся представления о тайге, являются «Очерки

Томского края» (1898) [36] – сборник публичных лекций, организованных Томским отделом Императорского московского общества сельского хозяйства. В этих лекциях принял участие П.Н. Крылов, ботаник и ученый садовник Томского университета, который дал классическое определение тайге и характеристику лесным формациям Сибири. Одну из лекций прочитал также В.Т. Волков, старший производитель работ западносибирского переселенческого отряда, показавший возможности освоения таежных пространств и поставивший вопрос о необходимости выработать «приемы к разумной эксплуатации таежного простора». Профессор Д.Н. Беликов, среди прочего, показал опыт поселения старообрядцев в тайге. В совокупности эти лекции давали наиболее полное на тот момент описание тайги с ботанической, климатической, зоологической, исторической и хозяйственной точек зрения.

За появлением этого описания стоял возросший общественный интерес к проблеме освоения Сибири,

формировалась государственная политика в данной области, а молодой университет должен был стать центром изучения Сибири «по всем царствам природы, по истории и этнографии ее жителей» [37. С. 88]. Появляется и новое отношение к природе, о чем ярко сказал профессор зоологии и бывший ректор университета Н.Ф. Кашенко во вступительной речи к лекциям. В конце XIX в. таежный вопрос оказывается во власти дискурса покорения природы – «развития человеческого господства над организованной природой», для которого «необходимы постоянно новые наблюдения над живой природой и опыты с целью изыскания новых средств воздействия на нее» [36. С. 33]. Этот дискурс станет основополагающим в последующие десятилетия и приобретет официальный статус. Структурные составляющие таежного дискурса, выработанные общественным сознанием ранее, станут его составной частью или смогут сформировать новые альтернативные способы отношения к природе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А.В. Понятие «тайга» в сибирском дискурсе XIX в. и его интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 123–130.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1866. Ч. 4. Р-V. [680] с.
3. Сибирская справочная книжка. Иркутск : Тип. Окр. штаба, 1868. [2], 108 с.
4. Ободовский А.Г. Всеобщей географии учебная книга, принятая для употребления в учебных заведениях Министерства народного просвещения. СПб. : Тип. И. Глазунова и К°, 1874. VIII, 420 с.
5. Зуев Н.И. География Российской империи (курс средних учебных заведений). СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1887. 264 с.
6. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи / сост. по поручению Рус. геогр. о-ва действ. чл. О-ва П. Семёнов. СПб. : В тип. В. Безобразова и Комп., 1867. Т. III. 743 с.
7. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 749 с.
8. Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / сост. прот. В. Вербицкий. Казань : Православ. миссионер. о-во, 1884. IV, 494 с.
9. Вереха П.Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб. : Тип. СПб. Градоначальства, 1898. VI, 588 с.
10. Михеев В.М. Песни о Сибири. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1884. 196 с.
11. Михеев В. Тайга. Драма в 4 действиях. М. : Типо-лит. В. Рихтеръ, 1906. 111 с.
12. Короленко В.Г. Сон Макара. Рассказ // Русская мысль. 1885. Кн. 3. [Март]. С. 6–32.
13. Хрущов-Сокольников Г.А. Петербургские крокодилы. СПб. : Тип. В.В. Комарова, 1886. 546 с.
14. Окрейнец С.С. В. Уголовный роман. СПб. : Журн. «Луч», 1888. 308 с.
15. Елпатьевский С.Я. Гектор // Вестник Европы. 1894. Кн. 3. [Март]. С. 145–165.
16. Гейнце Н.Э. Драма в тайге : Роман из сибирской жизни : в 2 ч. Екатеринбург : В.Г. Чекан, 1899. [2], 256 с.
17. Родигина Н.Н. Репрезентация литературных путешествий в Сибирь в русских общественно-политических журналах второй половины XIX века // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 170–182.
18. Костлю Дж.Т. Заповедная Россия. Прогулки по русскому лесу XIX века. СПб. : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 376 с.
19. Елпатьевский С.Я. Очерки Сибири. М. : Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1893. 205, [2] с.
20. Зарубин И. Вокруг Азии. Через Сибирь // Русский вестник 1881. Т. 154. Август. С. 581–646.
21. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученых исследованиям. М. : Типография С. Орлова, 1879. Т. IV. 240 с.
22. Дробыш-Дробышевский А.А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге / [соч.] А. Уманьского [псевд.]. СПб. : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1888. 167, [1] с.
23. Латкин Н.В. На сибирских золотых приисках. Из таежных воспоминаний. СПб. : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1898. 223 с.
24. Аксенова Л.В. Шесть месяцев в сибирской тайге // Русский вестник. 1880. Т. 145, № 2. С. 735–768.
25. Шишпарнок Е. Сибирский миф и художественный образ Сибири в русской литературе XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 7. С. 131–138.
26. Геребенчиков М.Г. Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. СПб. : Типография Я.И. Либермана, 1887. 271 с.
27. Чехов А.П. Сочинения : в 18 т. // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1978. Т. 14/15. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 5–38.
28. Новикова Е.Г. Образ Сибири в контексте кругосветных путешествий русских писателей второй половины XIX века: «чужое» и «свое» // Диалог культур: поэтика локального текста : материалы IV Междунар. науч. конф., г. Горно-Алтайск, 9–12 сентября 2014 г. Горно-Алтайск, 2014. С. 166–173.
29. Краузе В.М. Путешествие Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича, 1891–1892. СПб. : Издание еженесячника «Семьянин», 1894. 56 с.
30. Максимов С. Край крещеного света. II. Дремучие леса или рассказ о народах, населяющих русские леса. СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1866.
31. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XIX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34–47.
32. Brain S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2011. 251 p.
33. Арнольд Ф.К. Русский лес. СПб. : Изд. А.Ф. Маркса, 1893. Т. 1. [16] с., 325 с., [79] с.
34. Тяпкин М.В. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVII – начале XX в. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т, 2019. 495 с.
35. Состояние и нужды казенного лесного хозяйства в Сибири. По отчетам чинов лесного департамента, командированных в 1897 года с Высочайшего соизволения в губернии Тобольскую, Томскую и Енисейскую и области Акмолинскую и Семипалатинскую. СПб. : В гос. тип., 1899. 352 с.

36. Научные очерки Томского края : сб. публ. лекций по различным вопросам естествознания и сельского хозяйства, организованных осенью 1897 года бывшим Томским отделом Императорского Моск. общества сельского хозяйства, ныне преобразованным в Западно-Сибирское общество сельского хозяйства. Томск : Типо-лит. М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского, 1898. [511] с.
37. Флоринский В.М. Проект предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1998. Вып. 3. С. 86–88.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 ноября 2021 г.

The Concept “Taiga” in the Siberian Discourse of the 19th Century and Its Interpretations (Article Two)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 12–18.

DOI: 10.17223/15617793/473/2

Artyom V. Vasilyev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: hegelianer@gmail.com

Keywords: taiga; forest; Siberia; conceptual history; sociocommunicative landscape.

The study is carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

This article is a continuation of the study of the history of the concept “taiga” in the Siberian discourse of the 19th century. Its aim is to identify the key images associated with this concept and the key sociocultural, political, and economic factors influencing the transformation of the concept in the last third of the 19th century. During this period, the relevance of the “Siberian theme” is growing in the social thought of Russia. This happens due to the beginning of mass migration to the region and the acceleration of its economic development, which led to the growth of regional self-awareness, the further development of the Siberian theme in fiction, the intensification of the activities of various social and political forces, etc. The questions of what place the concept of taiga occupies in Siberian discourse in connection with the growth of colonization and public attention to Siberia at the end of the 19th century are investigated. What is the peculiarity of the perception of Russian and Siberian forests? In turn, how can the perception of nature explain the peculiarities of the colonization of Siberia? Finally, what place does the taiga occupy in the search for identity in Russian society, and how did competing discourses influence the perception of the taiga? The material is journalistic texts, reports of travelers and Siberian officials, forestry literature, and fiction of this period. The research methods are the tools of humanitarian geography, the history of concepts, and the sociology of nature. As a result of the study, it was revealed that the concept of taiga during this period is interpreted as the antithesis of the Russian forest. The concept is used to substantiate the reasons for the existence of regional differences in Siberians. The taiga forms the basis of the Siberian landscape: the forest in central Russia is embedded in the existing landscape, makes up only a part of it and seems conquered, while the taiga is the Siberian landscape, which includes everything else, including the Siberian forest and settlements. The concept develops in numerous works of the last third of the 19th century and becomes central to the understanding of the isolated society, closed from and for the rest of the world by nature itself: the world of Siberian workers, exiles, fugitive prisoners, migrants, and old-time peasants, representatives of indigenous peoples. By the end of the century and the beginning of the mass agricultural development of the region, the taiga forms a nature-conquering discourse. The mythologem about the infinity of the taiga and the impossibility of its development is rethought. This discourse becomes fundamental in the following decades and acquires an official status.

REFERENCES

1. Vasil'ev, A.V. (2020) The concept “taiga” in the Siberian discourse of the 19th century and its interpretations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 123–130. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/461/14
2. Dal', V.I. (1866) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Izd. obshch-va lyubiteley Rossiyskoy slovesnosti.
3. Anon. (1868) *Sibirskaya spravochnaya knizhka* [Siberian Reference Book]. Irkutsk: Tip. Okr. shkola.
4. Obodovskiy, A.G. (1874) *Vseobshchey geografii uchebnaya kniga, prinyataya dlya upotrebleniya v uchebnykh zavedeniyakh Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Universal Geography Textbook Adopted for Use in Educational Institutions of the Ministry of Public Education]. Saint Petersburg: Tip. I. Glazunova i Ko.
5. Zuev, N.I. (1887) *Geografiya Rossiyskoy imperii (kurs srednikh uchebnykh zavedeniy)* [Geography of the Russian Empire (Course of secondary educational institutions)]. Saint Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
6. Semenov-Tyan-Shanskiy, P.P. (1867) *Geograficheskoye-statisticheskoye slovar' Rossiyskoy imperii* [Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp.
7. Radlov, V.V. (1989) *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Pages of the diary]. Moscow: Nauka. Gl. red. vost. lit.
8. Verbitskiy, V.I. (1884) *Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka* [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Kazan: Pravoslav. missioner. o-vo.
9. Verekhina, P.N. (1898) *Opyt lesovodstvennogo terminologicheskogo slovary* [An Attempt of Forestry Terminological Dictionary]. Vol. 6. Saint Petersburg: Tip. SPb. Gradonachal'stva.
10. Mikheev, V.M. (1884) *Pesni o Sibiri* [Songs about Siberia]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova.
11. Mikheev, V. (1906) *Tayga. Drama v 4 deystviyakh* [Taiga. Drama in 4 acts]. Moscow: Tipo-lit. V. Rikhter.
12. Korolenko, V.G. (1885) Son Makara. Rasskaz [Makar's dream. The story]. *Russkaya mysl'*. 3. pp. 6–32.
13. Khrushchov-Sokol'nikov, G.A. (1886) *Peterburgskie krokodily* [Crocodiles of Petersburg]. Saint Petersburg: Tip. V.V. Komarova.
14. Okreynits, S.S. (1888) *V Sibiri: Ugolovnyy roman* [In Siberia: A Criminal novel]. Saint Petersburg: Zhurn. “Luch”.
15. Elpat'evskiy, S.Ya. (1894) Gektor [Hector]. *Vestnik Evropy*. 3. March. pp. 145–165.
16. Geyntse, N.E. (1899) *Drama v tayge: Roman iz sibirskoy zhizni* [Drama in the taiga: A novel from Siberian life]. Vol. 2. Yekaterinburg: V.G. Chekan.
17. Rodigina, N.N. (2012) The representations of literary journeys to Siberia in Russian political journals of the second half of the 19th century. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 39. pp. 170–182. (In Russian).
18. Kostlou, Dzh.T. (2020) *Zapovedna Rossiya. Progulki po russkomu lesu XIX veka* [Zapovedna Rossiya. Walking through the Russian forest of the 19th century]. Saint Petersburg: Academic Studies Press / BiblioRossika.
19. Elpat'evskiy, S.Ya. (1893) *Ocherki Sibiri* [Essays of Siberia]. Moscow: Tipo-litografiya T-va I.N. Kushnerev i K.
20. Zarubin, I. (1881) Vokrug Azii. Cherez Sibir' [Around Asia. Through Siberia]. *Russkiy vestnik*. 154. August. pp. 581–646.
21. Semenov, D.D. (1879) *Otechestvovedenie. Rossiya po rasskazam puteshestvennikov i uchenym issledovaniyam* [Fatherland Studies. Russia according to the stories of travelers and scientific research]. Vol. IV. Moscow: Tipografiya S. Orlova.

22. Drobysh-Drobyshevskiy, A.A. (1888) *Ocherki zolotopromyshlennosti v Eniseyskoy tayge* [Essays on the Gold Industry in the Yenisei Taiga]. Saint Petersburg: Tovarishestvo "Pechatnya S.P. Yakovleva".
23. Latkin, N.V. (1898) *Na sibirskikh zolotykh priiskakh. Iz taezhnykh vospominaniy* [On the Siberian Gold Mines. From taiga memories]. Saint Petersburg: Tip. Tovarishestva "Obshchestvennaya pol'za".
24. Aksenova, L.V. (1880) *Shest' mesyatsev v sibirskoy tayge* [Six months in the Siberian taiga]. *Russkiy vestnik*. 2 (145). pp. 735–768.
25. Shishpurnok, E. (2007) Siberian myth and the images of Siberia in Russian literature in 19 century. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – BSU bulletin*. 7. pp. 131–138. (In Russian).
26. Gerebenshchikov, M.G. (1887) *Putevye zapiski i vospominaniya po Dal'nemu Vostoku* [Travel Notes and Memoirs on the Far East]. Saint Petersburg: Tipografiya Ya.I. Libermana.
27. Chekhov, A.P. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 14/15. Moscow: Nauka. pp. 5–38.
28. Novikova, E.G. (2014) [The Image of Siberia in the context of world travels of Russian writers of the second half of the nineteenth century: the "alien" and "own"]. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of Cultures: The poetics of local text]. Proceedings of the 4th International Conference. Gorno-Altai. 9–12 September 2014. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University. pp. 166–173. (In Russian).
29. Krauze, V.M. (1894) *Puteshestvie Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya Naslednika Tsesarevicha i Velikogo Knyazya Nikolaya Aleksandrovicha, 1891–1892* [A Journey of His Imperial Highness the Sovereign Heir Tsarevich and Grand Duke Nicholas Alexandrovich, 1891–1892]. Saint Petersburg: Izdanie ezhemesyachnika "Sem'yanin".
30. Maksimov, S. (1866) *Kray kreshchenogo sveta. II. Dremuchie lesa ili rasskaz o narodakh, naselyayushchikh russkie lesa* [The edge of the Christian world II. A dense forest or the story of the peoples of the Russian forest]. Saint Petersburg: Tip. tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
31. Istomina, E.G. (1995) *Lesookhranitel'naya politika Rossii v XVIII – nachale XIX veka* [Forest preserving policy of Russia in the 18th – early 19th century]. *Otechestvennaya istoriya*. 4. pp. 34–47. (In Russian).
32. Brain, S. (2011) *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
33. Arnol'd, F.K. (1893) *Russkiy les* [Russian Forest]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izd. A.F. Marksa.
34. Tyapkin, M.V. (2019) *Gosudarstvennaya lesookhrannaya politika v Zapadnoy Sibiri v XVII – nachale XX v.* [State Forest Protection Policy in Western Siberia in the 17th – Early 20th Centuries]. Barnaul: Barnaul Law Institute.
35. Anon. (1899) *Sostoyanie i nuzhdy kazennogo lesnogo khozyaystva v Sibiri. Po otchetam chinov lesnogo departamenta, komandirovannykh v 1897 goda s Vysochayshego soizvoleniya v gubernii Tobol'skuyu, Tomskuyu i Eniseyskuyu i oblasti Akmolinskuyu i Semipalatinskuyu* [The State and Needs of State Forestry in Siberia. According to the reports of the officials of the forest Department sent in 1897 with the Highest permission to the provinces of Tobolsk, Tomsk and Yenisei and the regions of Akmola and Semipalatinsk]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
36. Zapadno-Sibirskoe obshchestvo sel'skogo khozyaystva [West Siberian Agricultural Society]. (1898) *Nauchnye ocherki Tomskogo kraya* [Scientific Essays of the Tomsk Region]. Tomsk: Tipo-lit. M.N. Kononova i I.F. Skulimovskogo.
37. Florinskiy, V.M. (1998) *Proekt predlozheniya k pozhertvovatelyam dlya sobraniya biblioteki Sibirskogo universiteta* [Draft proposal to donors for the collection of the library of the Siberian University]. In: Esipova, V.A. & Erokhina, G.S. (eds) *Iz istorii knizhnykh fondov biblioteki Tomskogo universiteta* [From the History of the Book Collections of the Tomsk University Library]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–88.

Received: 22 November 2021